

РАЗГОВОРЫ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ НА ЦИФРОВЫХ КУХНЯХ*

Иван Владимирович Суслов,

Саратовская государственная юридическая академия,
Саратов, Россия,
suslov85@inbox.ru

Зарина Закиевна Кныжова,

Саратовская государственная юридическая академия,
Саратов, Россия,
knyzhova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.01.2022, принята к публикации 04.05.2022

Для цитирования: Суслов И.В., Кныжова З.З. Разговоры о советском прошлом на цифровых кухнях // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 138–153. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_138

Аннотация

История – основа для конструирования национальной солидарности. В настоящее время происходит перелокализация пространства исторической памяти

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32221 «Инакомыслие и политизация творческой интеллигенции в современной России: значение и потенциал дискурсов и дискуссий в цифровом публичном пространстве».

© Суслов И.В., Кныжова З.З., 2022

в цифровую реальность, социальные сети и дигитальные архивы. Это формирует новую культуру участия аудитории и влечет за собой переосмысление индивидуальной и коллективной памяти о прошлом. В статье анализируются интервью известных представителей творческой интеллигенции, посвященные советскому прошлому и размещенные на ютуб-платформе – своеобразном цифровом аналоге знаменитых «советских кухонь». Актуальность исследования обусловлена непреходящей ценностью сравнений советского прошлого и российского настоящего, а также нарастающей политизацией творческих профессий и общей цифровизацией повседневности. Традиционное восприятие «поэта в России – больше, чем поэта» наполняется новыми деталями цифровой эпохи. Эмпирическую базу исследования составил корпус интервью (n=49), вышедших на ютуб-каналах Ю. Дудя¹, К. Собчак, И. Шихман и Д. Быкова в 2018–2021 гг. Приглашенными гостями стали не только оппозиционные, но и поддерживающие власть деятели, а также некоторые аполитично настроенные представители мира российской культуры. В результате проведенного анализа авторы статьи приходят к выводу, что политические высказывания творческой и интеллектуальной элиты задают схемы восприятия политической действительности и оказывают влияние на рост критического или лоялистского отношения к власти и (дез) активизацию гражданского самосознания. Другими словами, дискурсивная деятельность агентов/актеров/лидеров духовно-культурной сферы России в контексте цифровизации публичного пространства оказывает все большее влияние на современные политические процессы.

Ключевые слова:

историческая память, цифровизация политики, лидеры общественного мнения, оппозиция, политический процесс, политика памяти, политический дискурс.

UDC 32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_138

CONVERSATIONS ABOUT THE SOVIET PAST IN DIGITAL KITCHENS

Ivan V. Suslov,

Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia,
suslov85@inbox.ru

Zarina Z. Knyzhova,

Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia,
knyzhova@mail.ru

Article received on January 24, 2022, accepted on May 4, 2022

¹ Признан в России СМИ-иноагентом.

For citation: Suslov, I.V., Knyzhova, Z.Z. (2022). Conversations about the Soviet Past in Digital Kitchens. *Discourse-P*, 140 (2), 138–153. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_138

Abstract

History is the basis for the national solidarity construction. Currently, the space of historical memory is moving into digital reality, social networks, and electronic archives. It creates a new culture of audience participation and entails rethinking of individual and collective memory of the past. The article analyzes interviews of famous intellectuals about the Soviet past posted on the YouTube platform, a kind of digital analogue of the famous “Soviet kitchens”. The relevance of the study is explained by the enduring value of comparisons between the Soviet past and the Russian present, as well as the growing politicization of creative professions and the general digitalization of everyday life. The traditional perception that “a poet in Russia is more than a poet” is being filled with new details of the digital age. The empirical base of the study is a corpus of interviews (n=49) published on the YouTube channels of Yu. Dud², K. Sobchak, I. Shikhman, and D. Bykov in 2018–2021. The interviewees were not only opposition figures, but also those who support the government, as well as some apolitical representatives of the Russian culture. The authors of the article come to the conclusion that political statements of the creative and intellectual elite set the patterns of political reality perception and influence the growth of a critical or loyalist attitude towards the authorities and (de) activation of civic consciousness. In other words, the discursive activity of agents/actors/leaders of the spiritual and cultural sphere of Russia in the context of the digitalization of public space has an increasing influence on modern political processes.

Keywords:

historical memory, digitalization of politics, public opinion leaders, opposition, political process, politics of memory, political discourse.

История – основа для конструирования национальной солидарности. Наличие тесной связи между национальной и исторической политикой является общим местом в социально-гуманитарных науках. Данные исследования идут в логике, заданной О. Ю. Малиновой и А. И. Миллером: историческая политика позволяет конструировать национальную идентичность и выполнять миро-воззренческую функцию, определяя смысловое поле рефлексии современных процессов.

С одной стороны, в рамках социальных наук возможно изучение публичных отсылок к советскому прошлому как инструменту официального дискурса, конструирующего национальную макроидентичность (Малинова, 2016; Chaisty & Whitefield, 2016). С другой стороны, научный интерес может представлять об-

² Recognized in Russia as a foreign media agent.

суждение позитивных/негативных высказываний современной политической оппозиции/элиты о советском прошлом и их политического потенциала (Engström, 2014; Kuzio, 2018).

Нельзя также не отметить, что в дискурсе современной (в основном не-системной) оппозиции, а также критически настроенном научном сообществе зачастую звучат тезисы о сходстве принципов советской и российской внешней (и даже внутренней) политики. В поле зрения ученых попадают также исторические нарративы оппозиционных политиков (Малинова, 2019; Фомин, 2020), однако данный поворот не предполагает расширения источниковедческой базы и новаций в методологии. Историческая память представителей творческих профессий (как оппозиционных, так и лояльных власти) до сих пор остается в тени исследовательского интереса.

Особенности изучения памяти творческих профессий

Механизмы формирования и особенности памяти в конкретных социальных группах и средах занимают (в связи со сложностью их изучения) второстепенное место в общем потоке научных публикаций о политике памяти. Безусловно, движение эмансипации (в широком смысле слова) второй половины XX в. актуализировало исследование памяти дискриминируемых социальных групп (женщин, этнических и расовых меньшинств). Однако социальная память групп, не обладающих возможностями или желанием влиять на официальный исторический нарратив, общественное мнение и массовое сознание, носит изначально эксклюзивный характер. Обращение к методологическому наследию П. Нора (1999) позволяет определить ютуб-источники эмпирических данных как своеобразные «места памяти».

В данной статье предлагается обратиться к нарративам о советском прошлом, которые предложены известными представителями творческих профессий во время интервью, размещенных на популярных ютуб-каналах. Следует отметить, что главными темами являлись детали биографии, ценностный мир селебрити, однако в разговоре о прошедших событиях, при оценке настоящей действительности, а также в размышлениях о будущем совершались отсылки к жизни во времена СССР. Тем самым в научный оборот вводится новый корпус текстов, созданных не в логике политической борьбы или государственной политики, а в логике экзистенциальных размышлений о мировоззренческой позиции представителей творческой интеллигенции.

Можно предположить, что ведущие ютуб-журналисты, поднимая данные темы в своих интервью, целенаправленно пытаются «разговорить» своих собеседников (как оппозиционных, так и лояльных власти), транслируют существующий общественный тренд на актуализацию памяти о советском прошлом (или запрос на необходимость очередного осмысления советского прошлого). При этом чаще всего разговору заходят о периодах застоя и перестройки, хотя ученые в большинстве случаев обращаются к памяти о революциях (Мошкин, 2021) и войнах (Русакова, Русаков, 2017), а интерес к памяти об иных периодах истории СССР существенно ниже.

Настоящая статья, во-первых, предлагает ввести в оборот новый корпус источников, во-вторых, поместить в центр методологической оптики новую со-

циальную группу, чье воздействие на память российского общества происходит в цифровом пространстве и определяется не политическим статусом, а широкой известностью у аудитории.

Значение и механизмы воспроизводства коллективной социальной памяти рефлексированы с опорой на идеи М. Хальбвакса (2006), определяющего коллективную память как место сосредоточения ценностей и моральных ориентиров развития современного социума. Исследование социальной памяти позволяет рассуждать о ценностях, скрепляющих общество, а значит, о роли советских культурных кодов при интерпретации современных реалий.

Исследование памяти в цифровую эпоху

Известные представители сферы культуры в последние годы получили благодаря цифровым технологиям (страницам в социальных сетях) широкий доступ к пастве своих поклонников (и, как это ни парадоксально, хейтеров) в обход официальных средств массовой информации или старых медиа, что лишь добавило актуальности исследованиям памяти известных личностей культурной сферы о советском прошлом. Важными акторами трансляции памяти творческой интеллигенции в массы становятся ютуб-журналисты, которые на своих каналах/кухнях дают возможность (зачастую провокативным образом) персонам из сферы культуры сформировать свой нарратив о советском.

В настоящее время, как отмечает А. Ассман (2016), происходит перелокализация пространства памяти в цифровую реальность, социальные сети и дигитальные архивы. На наших глазах рождается и утверждается о своих правах концепт «киберпамять», который К. Штоп-Рутковска (2015) определяет как «содержание, представляющее тему прошлого: события, места, предметы и людей (как героев, так и антигероев), а также способы сохранения этого прошлого в памяти и специфические культурные практики, связанные с процессом коммуникации посредством новых медиа» (с. 132–133).

Цифровая форма, в которую облачается память (в частности, на ютуб-платформах), как утверждает Г. Дженкинс (Jenkins, 2006), создает новую культуру участия аудитории. Другими словами, статус создателей исторических нарративов, а также миллионные просмотры интервью позволяют определить их как сильных инфлюенсеров, формирующих представления о прошлом у широкой аудитории их поклонников, а также подписчиков ютуб-канала, что позволяет говорить об инклюзивном характере данного процесса.

Подробный анализ альтернативных позиций воспоминаний о советском обществе предлагается в статье Л.Б. Зубановой (2020). Автор, проанализировав восприятие интернет-аудиторией фильмов Юрия Дудя³ «Колыма – родина нашего страха», Алексея Пивоварова⁴ «Ржев – русская долина смерти» и Катерины Гордеевой «Афган. Человек (не) вернулся с войны», отмечает, что медиапроекты вызвали явный интерес аудитории, что говорит об актуализации событий советской истории. Данный вывод сделан на основании высоких рейтингов (просмотров) и высокой активности интернет-пользователей по созданию

³ Признан в России СМИ-иноагентом.

⁴ Признан в России СМИ-иноагентом.

комментариев, не только на сам медиапродукт, но и на отзывы других зрителей. Качественный анализ цифровых дискуссий позволил Л.Б. Зубановой сделать вывод, что зрители, оставившие комментарии, во-первых, часто сравнивают прошлое и настоящее, во-вторых, оспаривают официальную (государственную) версию трактовки истории, предлагая альтернативные позиции воспоминания о советском прошлом.

Таким образом, в цифровом пространстве (в частности, на ютуб-каналах как новых местах памяти) происходит активное переосмысление индивидуальной и коллективной памяти о прошлом.

Актуальность, источники, методы

Актуальность данного исследования обосновывается несколькими соображениями. Во-первых, позиции, суждения, взгляды творческой интеллигенции (как оппозиционной, так и лояльной власти) исторически обладали серьезным весом и были способны если не сформировать общественное мнение, то выступить фактором, воздействующим на общую социальную атмосферу. Во-вторых, ютуб-интервью (набирающие в последнее время все большую популярность) отличаются большей свободой выбора тем и персоналий в отличие от традиционных телевизионных разговоров со знаменитостями. В-третьих, все большую популярность в качестве тем для разговоров приобретает оценка исторического (в первую очередь советского) прошлого.

С 2018 по 2021 гг. на ютуб-каналах Юрия Дудя⁵, Ксении Собчак, Ирины Шихман, Дмитрия Быкова было опубликовано свыше 200 интервью с известными актерами, музыкантами, режиссерами, певцами, писателями, представителями шоу-бизнеса. В 49 случаях (т. е. примерно в 25 % интервью) собеседники иногда целенаправленно, иногда случайно выходили на обсуждение советского прошлого.

Эмпирической базой настоящего исследования стали интервью с 7 рок-музыкантами, 6 писателями, 6 исполнителями популярной музыки, 4 рэп-музыкантами, 8 актерами, 5 комик-актерами, 6 телеведущими и журналистами, 7 режиссерами. Творческих людей сложно классифицировать по их политико-идеологическим позициям, тем не менее в исследуемом пуле оказались представители всех идеологических мастей, от либералов-западников до социалистов-государственников. При этом выяснилось, что многие деятели культуры, по их словам, совершенно не интересуются политикой, другие, наоборот, ходят на митинги и даже баллотируются на выборах в Государственную Думу.

Забегая вперед, отметим, что профессиональная принадлежность и политические предпочтения слабо коррелируют с восприятием советского прошлого. Сравнительный анализ по-разному политически ориентированных типов интеллигенции в отношении к советскому прошлому провести не удалось. Однако были зафиксированы некоторые поколенческие различия и выявлены наиболее значимые позиции относительно представлений об эпохе СССР.

Определение особенностей и классификация нарративов о советском и есть основная цель настоящей статьи. Анализ текстов интервью предпола-

⁵ Признан в России СМИ-иноагентом.

гал определение того, в рамках каких дискурсивных стратегий задействуются те или иные отсылки к советскому прошлому.

В качестве методологической основы использовался дискурс-подход М. Райзигла и Р. Водак (Reisigl & Wodak, 2001) с определением дискурсивных стратегий представителями творческой интеллигенции в разговорах о советском. В ходе анализа текстов интервью обращалось внимание на референциальные стратегии именования, предикативные стратегии, связанные с характеристиками социальных субъектов деятельности, феноменов, процессов советского прошлого, а также стратегии аргументации собственной позиции.

Использование «обоснованной теории» при анализе текстов позволило выделить следующие коды, проблемы, чаще всего затрагиваемые в интервью: общее отношение к СССР, конкретные явления советской повседневности и их оценка, а также стратегии проведения параллелей между прошлым и настоящим. Кроме того, интерес представляет определение респондентами причин распада СССР, выражение отношения к деятельности Б.Н. Ельцина и последующему (или первому постсоветскому) десятилетию.

Определение устойчивых политико-культурных кодов в рассуждениях представителей творческих профессий о взаимоотношениях с властью, протестных настроениях опирается на метод когнитивного картирования (Olazabal et al., 2018), направленного на поиск в структуре мышления устойчивых конструкций анализа политических ситуаций и выбора собственных стратегий поведения. Однако в последнее время исследователи переориентируются с анализа индивидуальных когнитивных карт на создание коллективных, способных прояснить ментальный мир, логику мышления и систему принятия решения у определенных социальных групп (Wang et al., 2018).

В нарративах исследуемой группы оказалось возможным обнаружить повторяющиеся сюжеты, тезисы или, другими словами, коды. Похожие мысли, высказанные даже всего лишь в 2–3 интервью, подвергались кодированию и анализу как значимые коды, пусть и не нашедшие (из-за вышеприведенных особенностей формата ютуб-интервью) своего отражения в других беседах. Таким образом, данная статья построена в первую очередь в русле качественного анализа, позволяющего наполнить теоретическую модель взаимодействия власти и творческой интеллигенции как можно большим количеством *смыслов, нарративных схем и кодов*.

Результатом анализа является определение позиций представителей творческой интеллигенции (как оппозиционных, так и лояльных власти) по дискуссионным вопросам советского прошлого, а также выяснение причин их формирования и предложение гипотез, объясняющих отсутствие консенсуса по поводу отношения к прошлому.

Следует отметить, что свое мнение о СССР высказывали также персонажи, которые не могли похвастаться продолжительным личным опытом знакомства с советской эпохой. Так, только трое родились при жизни Сталина, четырнадцать – в период оттепели и раннего застоя, двадцать два – в 1970-е гг., девять – в 1980-е гг., двое уже в конце 1990-х гг. Таким образом, самыми активными ретрансляторами знаний о советском прошлом, авторами нарративных схем воспоминаний оказывается поколение 1970-х гг., чья ностальгия о советском детстве активно изучается в отечественной социальной науке (Абрамов, 2019).

Подчеркнем еще раз актуальность отношения к советскому прошлому следующим фактом. Из всех, кто во время интервью высказывался о прошлом, лишь двое (Яна Троянова, Дельфин) отметили свою некомпетентность, нерелексивность в понимании советского (в широком смысле), сославшись на подростковый возраст. Остальные, родившиеся в 1970-е и 1980-е гг., продемонстрировали определенное отношение к СССР, пусть даже и сформировавшееся не на основе личного опыта, а опосредованно. Семен Трескунов прямо упоминает посещение музея ГУЛАГа, а Екатерина Иванчикова – чтение Довлатова. Кроме того, лишь в немногих беседах высказывалась идея о сложности оценки советского прошлого. Так, Сергей Светлаков заявил: «Должно пройти время и смениться поколения. Нельзя сейчас трогать Ленина, не пришло просто время. Сейчас оценку давать нельзя». Дмитрий Губерниев даже отмечал наличие в обществе опасного «нерва», связанного с высоким уровнем одобрения сталинского периода в современной России, что способно стать фактором возможного возвращения к использованию некоторых тоталитарных форм и практик.

Образ СССР в интервью

Анализ воспоминаний о советском следует начать с общей оценки творческой интеллигенцией данного исторического периода. В большей части интервью (в 22 из 49) Советский Союз предстал в качестве отвратительного государства, в котором процветало лицемерие, насилие и ложь. По словам Максима Виторгана, «это была настолько уродливая система, что никто ни во что не верил. Это был бесконечный парад лицемерия». Разрушение СССР горячо приветствовалось как пример победы сил добра над злом. Основные претензии к советскому строю формулировались с помощью обращения к категориям морали и сводились к основному выводу о невозможности для нормального человека существовать, сохраняя внутреннюю свободу и не поддаваясь растлевающему воздействию коммунистической идеологии.

Положительные оценки жизни в СССР достаточно редки на общем фоне негатива. Валерий Меладзе рассуждал о превращении человека в высокообразованного творца новых технологий, шедевров искусства и знаний как о конечной цели построения коммунизма. Лолита Милявская подчеркивала роль образования в появлении в СССР широкого слоя думающих людей, поддерживающих диссидентов и способных критично оценивать реальность, в том числе советскую политическую систему. Захар Прилепин отмечал демократичность (доступность широким слоям населения) советской системы образования, которая являлась важнейшим социальным лифтом и фактором высокой вертикальной социальной мобильности.

В 6 интервью известные представители мира культуры положительно отзывались о советском кинематографе, которому даже цензура, якобы, шла на пользу, что в целом можно назвать одной из стратегий сопротивления доминирующему негативному дискурсу о СССР.

Действительно, современная цензура в анализируемых интервью не связывается напрямую с желаниями политиков ограничить свободу слова, самовыражения и критику власти. Напротив, речь обычно велась о запрете сквернословить, оскорблять чувства верующих, а также самоцензуре, корни которой,

кстати, растут из советского прошлого, но виновным признается не столько режим, сколько инерция граждан, общества и самих артистов/режиссеров, по непонятным причинам продолжающих соблюдать осторожность.

В ходе анализа текстов интервью было выяснено, какие периоды в истории СССР чаще всего вспоминали респонденты. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1 – Оценка периодов истории XX в. знаменитостями мира творчества и шоу-бизнеса (составлено авторами)

Table 1 – Evaluation of periods in the history of the 20th century by celebrities of the world of creativity and show business (compiled by the authors)

№ п/п	Периоды в истории XX столетия	Положительная оценка	Отрицательная оценка
1	Новая экономическая политика (НЭП) (1921–1929)	2	0
2	Сталинский период (1929–1953)	1	11
3	Хрущевская оттепель (1953–1964)	1	0
4	Брежневский застой (1965–1982)	7	9
5	Горбачевская перестройка (1985–1991)	8	1
6	1990-е гг.	4	5

Наиболее популярной эпохой оказывается брежневский застой, при этом картина в разговорах со знаменитостями написана не только негативными, но и позитивными красками: в 7 интервью его вспоминают со знаком плюс, в 9 – со знаком минус. Период сталинского правления составляет серьезную конкуренцию брежневскому застою. 1930-е гг. упоминаются в 11 беседах и представлены исключительно в черном свете как время репрессий.

Представители творческой интеллигенции упоминали и время перестройки. В 8 случаях респонденты говорили о своем личном, но опосредованном (через творчество) вкладе в расшатывание основ советского строя, а также о своем участии в митингах, демонстрациях и т. д. При этом упоминалась и роль огромных масс населения в распаде СССР. Лишь в одной беседе представлена попытка нарисовать более сложную картину рождения постсоветской России, с упоминанием в том числе и экономических факторов. Клим Шипенко: «Конструкция ослабла, она сильно ослабла во многом из-за экономических факторов. Эти вещи во многом имеют мистическую подоплеку. Много совокупностей... начинает крыша подтекать, тут проводка начинает искриться, это комбинация таких вот вещей, дом рушится не в один прекрасный день, все хорошо, солнечно и вдруг он – бац, разрушился».

В 3 интервью в близких формулировках отмечалась роль в развале СССР либеральной когорты политиков, пришедших к власти. Неожиданно любопытное

наблюдение связано с оценкой последующего развития России. Позитивные краски по отношению к 1990-м гг. в анализируемых текстах встречается крайне редко. Напротив, следует отметить сочувствие к фигуре Горбачева (например, у Андрея Кончаловского и Чулпан Хаматовой), а также нечастые, но крайне нелицеприятные оценки роли Ельцина и последующего за распадом СССР масштабного социального кризиса.

Десятилетие после развала СССР оценивается в нескольких беседах крайне негативно и эмоционально. Вот, к примеру, высказывание Гарика Сукачева: «И начался геноцид русского народа, чеченская война, дикий развал страны, кошмар, олигархи, бандитизм». Также встречаются более умеренные оценки. Борис Акунин: «Я к Ельцину отношусь без принятого интеллигентского умиления. У меня к нему большие претензии. Он не сумел справиться с демократической системой управления в стране».

Про периоды НЭПа и оттепели рассуждений в целом меньше, чем относительно других этапов, что говорит о дефиците глубоких исторических знаний по данным темам. О причинах распада СССР также оказывается очень сложно рассуждать. Определенная часть знаменитостей живет в предвкушении новой оттепели и перестройки, но боится себе в этом признаться, опасаясь возможных последствий краха существующей политической системы. Каким образом актуализируются события советского прошлого в разговорах о современности, пойдет речь далее.

Нарративные схемы актуализации советского прошлого

Об актуальности оценки советского прошлого для лучшего понимания настоящего свидетельствует тот факт, что лишь в 3 из 49 бесед не было обнаружено сравнения сегодняшнего положения страны и лично респондента с жизнью в СССР. В ходе анализа были обнаружены четыре нарративные схемы проведения параллелей между сейчас и тогда: *раньше было лучше, сейчас намного лучше, проведение аналогий, констатация преемственности*.

1. Меньшая часть (восемь) известных представителей творческих профессий отмечали *положительные стороны* советского периода, связанные с расцветом кинематографа, образования и общим уровнем доброты и доброжелательности. Таким образом в нарративах проявлялась попытка переосмыслить память о советском, расцветить однообразную картину светлыми тонами. Следовательно, можно говорить о попытках коммеморации советского. «Отношусь, как и снимаю, очень тепло» (Антон Лапенко); «солнечная страна моего детства... я чувствовал себя, в общем, в безопасности» (Алексей Иванов). Правда, позитивные воспоминания дополняются всегда оговорками. Антон Лапенко: «Я понимаю, что там было очень много плохого»; Алексей Иванов: «Было плохо то, что за меня всё решили... Я связан пропиской, талонами, прикреплением и т. д.»; Екатерина Иванчикова: «Здесь нужно быть бухим или тупым, потому что когда тебе указывают, что писать, петь, как смотреть, какие у тебя мотивы, внушают тебе».

2. Из тех, кто негативно оценивал советский строй, пятеро отметили отсутствие смысла в проведении параллелей между современной Россией и Советским Союзом, объясняя, что *сейчас жизнь намного лучше*. Гарик Сукачев заявил, что сейчас «свободы хоть обожрись», в том числе благодаря развитию инфор-

мационных технологий. Ингеборга Дапкунайте не замечает ограничений в искусстве, похожих на те, что существовали в советское время. Людмила Улицкая и Александр Иванов проводили параллели со сталинским периодом, отмечая очевидные положительные сдвиги в отношениях между властью и обществом сейчас.

Следующие две стратегии проводят непосредственные параллели между СССР и Россией, и в количественном отношении представлены в интервью более-менее равнозначно.

3.1. В 10 беседах проводились аналогии с жизнью в СССР с целью лучшего объяснения (и одновременно понимания) собственной мировоззренческой позиции. Старшие поколения отмечали, что их восприятие жизни, сформированное в СССР, практически не поменялось, и они продолжают оценивать современную ситуацию через оптику, настроенную еще в далеком прошлом. Молодые поколения рассуждали о своей позиции сегодня, сравнивая себя с человеком советским, и размышляли о выборе жизненного пути, в том числе и выстраивании отношения с властью, родись они в годы советской власти.

Модель проведения аналогий между своим творческим путем и судьбами советской интеллигенции может реализоваться как в нейтральном, позитивном, так и в негативном контекстах. Наиболее популярной в интервью оказывается ассоциация себя с советской интеллигенцией. «Мандельштам не мог не написать это стихотворение [*про Сталина*], потому что оно вот отсюда вырвалось. И не мог также отказаться от этого стихотворения. Для меня это пример, который позволяет мне, несмотря на то, как многие люди говорят «я боюсь, но тем не менее я делаю» (Владимир Котляров).

3.2. В 11 беседах аналогия с СССР позволяет оценить не собственную мировоззренческую позицию, а лучше описать происходящие сейчас политические события. Михаил Идов отмечал черты возвращения в период застоя: «Застой – это когда не генерируются новые идеи и смыслы, когда пространство вокруг тебя сжимается, и возникает ощущение удушья. Не террора, а просто с каждым днем становится труднее дышать. Любой человек, который скажет, что это не современные ощущения, и жизнь в современной России не наводит их на мысли об этом периоде, наверное, чуть-чуть покривит душой». Дмитрий Губерниев переживает существование опасности возвращения в 1930-е гг.: «У нас жив этот чертов нерв. Сейчас мы, к сожалению, видим, что прошлое готовится у некоторых людей стать настоящим. Нам бы дай волю, и этот маховик может включиться. Я чувствую это с большой опаской».

Максим Виторган объясняет интерес молодежи к политике и несанкционированным митингам возрастанием уровня цинизма, похожего на советский цинизм позднего застоя. При этом следует подчеркнуть, что респонденты не пытаются найти преемственность современных событий в прошлых эпохах. Данная стратегия будет описана ниже.

4. В 13 случаях современная российская политическая ситуация объясняется через констатацию непреодоленного влияния «тоталитарного прошлого». Однако в основном критикуются не современные политики или политические институты, которые перешли из прошлого в настоящее, а сами люди, не способные избавиться от паттернов мышления и поведения, сформировавшихся в СССР.

Преимственность чаще всего воспринимается в негативных контекстах и воплощается в поведенческих паттернах, берущих начало, в том числе, в советской системе: «Раболепствуют перед вышестоящими и хамят нижестоящим» (Катерина Гордеева); «Генетическая память, от нее никуда не деться. Я слышу в себе эти призывы: сжаться, «пожалуйста, только не я. Я ничего такого не сделал. Возьмите его! Я на него наступчу» (Семен Трескунов); «Ошибка и самоцензура в идиотичном виде, которая существует на всех уровнях, начиная с вахтеров. Это сменится само собой и поколениями» (Сергей Светлаков).

Катерина Гордеева описывала негативные черты «хомо советикус» (*homo soveticus*), Андрей Кончаловский говорил о необходимости поголовной индоктринации населения либеральными идеями, направленными на борьбу с коммунистическими ценностями. Алексей Иванов указывал на отрицательные свойства менталитета правящей элиты, сформированные еще в советское время.

Наш краткий вывод по поводу содержания интервью, проведенных с группой знаменитостей на ютуб-канале, можно свести к следующей краткой констатации: доминирующий тон воспоминаний об СССР, проявившийся в этих интервью, имеет отчетливо выраженную негативную окраску. Во многих беседах содержатся параллели между обозначенными в беседах негативными образами советского прошлого и угнетающей творческий дух атмосферой, царящей в современном российском обществе. У ряда респондентов прочно утвердился в сознании искаженный, отчасти карикатурный, образ советского человека, презрительно обозначаемый ими таким понятием, как «хомо советикус». Употребление данного термина стало известным маркером, выражающим состояние собственной гордыни, а именно – чувство духовного личного превосходства над примитивными по образу своей жизни советскими мелкими человечками.

Многие, сделанные в ходе интервью, негативные высказывания о советской эпохе далеко не безобидны. Следует учитывать, что идеи, настроения и мнения, транслируемые определенной группой либеральной интеллигенции, оказывают существенное влияние на духовные позиции современной творческой молодежи, являются привлекательными для сетевых потребителей «горячего» контента. В этой связи можно утверждать, что рассматриваемая нами группа интеллигенции выступает влиятельным коммеморативным актором современной политики памяти, который способен сформировать у пользователей социальных сетей общего, трактуемого в негативном ключе, непривлекательного образа советского прошлого. Подтверждение данного вывода требует специального, отдельного исследования, что особенно актуально в свете последних процессов радикального идейно-политического размежевания внутри российской интеллигенции, связанного с ее реакцией на проведение руководством страны специальной военной операции на Украине.

Список литературы

1. Абрамов, Р. Н. (2019). Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования. *Общественные науки и современность*, (5), 108–120. <https://doi.org/10.31857/S086904990006566-4>

2. Ассман, А. (2016). *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Зубанова, Л.Б. (2020). Медиа-репрезентации памяти: доминирующие коды прочтения травматичных событий в интернет-пространстве. *Дискурс-Пи*, 17(4), 26–39. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10402>
4. Малинова, О.Ю. (2016). Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам. *Полис. Политические исследования*, (6), 139–158. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>
5. Малинова, О.Ю. (2017). Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, (4), 6–22. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-87-4-6-22>
6. Малинова, О.Ю. (2019). Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг. *Южно-российский журнал социальных наук*, 20(3), 91–105. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-91-105>
7. Мошкин, С.В. (2021). Политика памяти об Октябрьской революции 1917 г. *Дискурс-Пи*, 18(3), 64–75. https://dx.doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_64
8. Нора, П. (1999). *Франция-память*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
9. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2017). Политика исторической памяти и Великая Отечественная война. *Евразийский журнал региональных и политических исследований*, (1), 34–39.
10. Фомин, И.В. (2020). Нарративы о советском прошлом в дискурсе российской внепарламентской оппозиции (на примере текстов Алексея Навального). *Политическая наука*, (4), 221–245. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.11>
11. Хальбвакс, М. (2005). Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*, (2–3), 8–27.
12. Штоп-Рутковска, К. (2015). Киберпамять, или о чем мы (не) помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин. *Социологические исследования*, (4), 130–139.
13. Bernhard, M., & Kubik, J. (Eds.). (2014). *Twenty years after Communism: The politics of memory and commemoration*. Oxford: Oxford University Press.
14. Chaisty, P., & Whitefield, S. (2016). Putin's nationalism problem. In A. Pikulicka-Wilczewska, & R. Sakwa (Eds.), *Ukraine and Russia: People, politics, propaganda and perspectives* (pp. 157–163). Bristol: E-International Relations Publishing.
15. Engström, M. (2014). Contemporary Russian messianism and new Russian foreign policy. *Contemporary Security Policy*, 35(3), 356–379. <https://doi.org/10.1080/13523260.2014.965888>
16. Jenkins, H. (2006). *Convergence culture: Where old and new media collide*. New York: New York University Press.
17. Kuzio, T. (2018). Russian and Ukrainian elites: A comparative study of different identities and alternative transitions. *Communist and Post-Communist Studies*, 51(4), 337–347. <http://dx.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.10.001>

18. Olazabal, M., Neumann, M.B., Foudi, S., & Chiabai, A. (2018). Transparency and reproducibility in participatory systems modelling: The case of fuzzy cognitive mapping. *Systems Research and Behavioral Science*, 35(6), 791–810. <https://doi.org/10.1002/sres.2519>

19. Reisigl, M., & Wodak, R. (2001). *Discourse and discrimination*. London & New York: Routledge.

20. Wang, M., Wu, B., Kirschner, P.A., & Spector, J. (2018). Using cognitive mapping to foster deeper learning with complex problems in a computer-based environment. *Computers in Human Behavior*, 87, 450–458. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.01.024>

References

1. Abramov, R.N. (2019). Otnoshenie k pozdnemu sovetскому proshlomu kak ob»ekt sociologicheskogo issledovaniya [Attitude to the late Soviet past as an object of sociological research]. *Obshhestvennyye nauki i sovremennost'*, (5), 108–120. <https://doi.org/10.31857/S086904990006566-4>

2. Assmann, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj* [New dissatisfaction with memorial culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

3. Bernhard, M., & Kubik, J. (Eds.). (2014). *Twenty years after Communism: The politics of memory and commemoration*. Oxford: Oxford University Press.

4. Chaisty, P., & Whitefield, S. (2016). Putin's nationalism problem. In A. Pikulicka-Wilczewska, & R. Sakwa (Eds.), *Ukraine and Russia: People, politics, propaganda and perspectives* (pp. 157–163). Bristol: E-International Relations Publishing.

5. Engström, M. (2014). Contemporary Russian messianism and new Russian foreign policy. *Contemporary Security Policy*, 35(3), 356–379. <https://doi.org/10.1080/13523260.2014.965888>

6. Fomin, I.V. (2020). Narrativy o sovetском proshlom v diskurse rossijskoj vneparlamentskoj oppozitsii (na primere tekstov Alekseya Naval'nogo) [Narratives about the Soviet past in the discourse of the Russian non-parliamentary opposition (example of Alexei Navalny's texts)]. *Politicheskaya nauka*, (4), 221–245. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.11>

7. Halbwachs, M. (2005). Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyj zapas*, (2–3), 8–27.

8. Jenkins, H. (2006). *Convergence culture: Where old and new media collide*. New York: New York University Press.

9. Kuzio, T. (2018). Russian and Ukrainian elites: A comparative study of different identities and alternative transitions. *Communist and Post-Communist Studies*, 51(4), 337–347. <http://dx.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.10.001>

10. Malinova, O.Yu. (2016). Oficial'nyj istoricheskij narrativ kak e'lement politiki identichnosti v Rossii: ot 1990-x k 2010-m godam [The official historical narrative as a part of identity policy of the Russian State: From the 1990s to the 2010s]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (6), 139–158. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>

11. Malinova, O.Yu. (2017). Kommemoraciya istoricheskix sobytij kak instrument

simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of historical events as an instrument of symbolic politics: Possibilities of comparative analysis]. *Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz*, (4), 6–22. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-87-4-6-22>

12. Malinova, O. Yu. (2019). Konstruirovaniye smyslovykh ramok pamyati o reformax 1990-x gg. v liberal'nom diskurse 2000-x gg. [Framing memory about the reforms of the 1990s in the liberal discourse in the 2000s]. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyx nauk*, 20(3), 91–105. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-91-105>

13. Moshkin, S. V. (2021). Politika pamyati ob Oktyabr'skoj revolyucii 1917 g. [The 1917 October revolution memory politics]. *Diskurs-Pi*, 18(3), 64–75. https://dx.doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_64

14. Nora, P. (1999). *Franciya-pamyat'* [France-memory]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

15. Olazabal, M., Neumann, M. B., Foudi, S., & Chiabai, A. (2018). Transparency and reproducibility in participatory systems modelling: The case of fuzzy cognitive mapping. *Systems Research and Behavioral Science*, 35(6), 791–810. <https://doi.org/10.1002/sres.2519>

16. Reisigl, M., & Wodak, R. (2001). *Discourse and discrimination*. London & New York: Routledge.

17. Rusakova, O. F., & Rusakov, V. M. (2017). Politika istoricheskoy pamyati i Velikaya Otechestvennaya vojna [Politics of historical memory and the Great Patriotic War]. *Evrazijskij zhurnal regional'nyx i politicheskix issledovanij*, (1), 34–39.

18. Stop-Rutkovska, K. (2015). Kiberpamyat', ili o chem my (ne) pomnim v seti. Analiz lokal'noj pamyati: Belostok i Lyublin [Cyber-memory, or: What we do (not) remember in the Net. An analysis of local memory: Bialystok and Lublin]. *Sociologicheskie issledovaniya*, (4), 130–139.

19. Wang, M., Wu, B., Kirschner, P. A., & Spector, J. (2018). Using cognitive mapping to foster deeper learning with complex problems in a computer-based environment. *Computers in Human Behavior*, 87, 450–458. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.01.024>

20. Zubanova, L. B. (2020). Media-reprezentacii pamyati: dominiruyushhie kody prochteniya travmatichnyx sobytij v internet-prostranstve [Media representations of memory: Dominant codes for reading traumatic events in the Internet]. *Diskurs-Pi*, 17(4), 26–39. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10402>

Информация об авторах

Иван Владимирович Сулов, кандидат социологических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>, e-mail: suslov85@inbox.ru

Зарина Закиевна Кныжова, кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5941-5380>, e-mail: knyzhova@mail.ru

Information about the authors

Ivan Vladimirovich Suslov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of History, Political Science and Sociology, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>, e-mail: suslov85@inbox.ru

Zarina Zakievna Knyzhova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of History, Political Science and Sociology, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5941-5380>, e-mail: knyzhova@mail.ru